

Журнал "Смена"

№ 06, 1956

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Смена": № 06, 1956 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 62 с.

ISBN 978-5-458-56133-4

Журнал "Смена" - иллюстрированный гуманитарный журнал, с литературной направленностью. Был основан в 1924 году и был самым массовым журналом для молодежи в Советском Союзе. В начале 1990-х общий тираж журнала составил три миллиона экземпляров. "Смена" был основан решением ЦК РКСМ как журнал рабочей молодежи. Особенно-стью "Смены" всегда была литературная составляющая, часто премьерная публикация произведений была в этом журнале. Так, в первый же год издания был опубликован отрывок из повести Серафимовича "Железный поток". В разные годы в журнале печатались К. Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Алексей Толстой. После войны журнал вышел за рамки молодежной аудитории и стал популярен еще больше. В журнале "Смена" состоялась литературная премьера Станислава Лемма - впервые на русском языке был опубликован его рассказ "Проверка лояльности". В семидесятые журнал "Смена" стал журналом в котором впервые был напечатан Кир Булычев.

ISBN 978-5-458-56133-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТРЕЧА

Наветдж СИНГХ

Рассказ

Калькутта встречает гостей.

Рассказ «Встреча» прислан в редакцию из города Прит Нагар. Его написал специально для «Смены» молодой пенджабский писатель Наведж Сингх, сын известного критика Гурбака Сингха — члена Всендийского совета мира. И отец и сын принимают активное участие в общественной жизни страны, во всенародном движении борьбы за мир.

Наведж Сингх написал этот рассказ под впечатлением незабываемой встречи товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева на родине писателя. Можно сказать, что рассказ в известной степени автобиографичен.

В 1953 году, возвращаясь на родину из Бухареста, где Наведж Сингх участвовал во Всемирном фестивале молодежи и студентов, молодой писатель впервые посетил Советский Союз. О днях, проведенных в Москве, он вспоминает с радостью. Не случайно рассказ «Встреча» проникнут такими искренними симпатиями к советским людям.

Наведжу Сингху тридцать лет, но имя его уже широко известно, особенно в Пенджабе. Один из его рассказов, «Дети», был удостоен премии на Международном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте.

Балвант Сингх шагал бодро, словно юноша. Уже много лет он не чувствовал себя таким молодым, как сегодня. Всю ночь не мог уснуть, волновался и думал о том, удастся ли ему найти место, с которого можно будет лучше разглядеть гостей. Давным-давно, только в детстве, перед большими праздниками он вот так же проводил ночи без сна.

Из дому вышел Балвант вместе с Далипой еще до рассвета. Несмотря на бессонную ночь, голова была свежа, мысли текли, словно ручеек, который, резвясь, спускался с холмов. Душу Балванта наполняла музыка, которую рождали уста его молодого спутника слепого Далипы. Он шел рядом, держа Балванта за руку. Природа, как бы возмещая юноше потерянное зрение, наградила его чудесным даром песни.

Чтобы встретиться с любимым. Продавщицею цветов я нарядилась И пришла и нему... —

пел Далипа. Первые лучи солнца только начинали золотить вершины холмов. В воздухе еще стояла ночная прохлада, а какой-то человек уже обливался водой у колодца.

— Кто это? — громко окликнул его Балвант Сингх.

— Это я, Сандер. — Как бы ты не простудился. Ведь еще так рано!

— Разве можно сегодня простудиться, баба-джи! Такие дорогие гости едут к нам...

Сосед торопливо оделся и присоединился к Балванту и Далипе.

Когда они дошли до шоссе, уже ярко светило солнце. Вдоль дороги двигался пестрый людской поток. Балвант Сингх увидел много знакомых лиц. Здесь были юноши и старики, девушки и пожилые женщины, школьники и учителя, землевладельцы и те, кто арендует жалкие клочки земли.

До слуха Балванта Сингха долетали обрывки фраз. Человек в бедной одежде, наклонившись, говорил своему спутнику, как бы делая с ним заветной тайной:

— Брат, я слышал, что наши гости — простые люди из народа...

А рядом школьник рассказывал пастуху из своей деревни:

— Один из них был пастухом, как и ты...

И в глазах пастуха, может быть, впервые в жизни засияло человеческое достоинство.

В разговор вмешался рабочий-текстильник Карма. К тому, что сказал школьник, он добавил:

— А потом этот пастух работал на шахте! — Помолчал, он продолжал с возмущением: — Небось, когда короли капиталистов приезжают к нам в Нангал, хозяева закрывают свои фабрики, как в праздничные дни. А сейчас, когда к нам приезжают руководители рабочих, многие боссы хотели бы оставить это событие незамеченным. Но все равно, ни одно колесо не придет в движение, ни одна машина не будет работать сегодня.

Наконец Балвант Сингх и его спутники добрались до маленького городка Нангал. По обе стороны улицы стояли толпы людей. Булганин, Хрущев и другие советские гости должны были проехать по этой дороге.

Люди, чтобы согреться, жгли охапки сухого тростника. Балвант Сингх с товарищами расположился у одного из костров.

Какой-то парень громко сказал:

— Посмотрите, как наш трехцветный флаг развевается рядом с красным советским флагом. На каждом телеграфном столбе, на каждом паровозе, на станциях, на кранах нангалской стройки — везде наши флаги вместе!

— Теперь нам никто не страшен! — воскликнул другой юноша. — Никто не посмеет смотреть на нас кося!

Этот разговор согрел Балванта Сингха больше, чем тепло костра.

Балвант Сингх уже с давних пор слагал простые, бесхитростные песни о Советском Союзе. Эти песни нравились людям. Один известный поэт, с которым он как-то встретился, сказал ему:

— Ваши песни, баба-джи, написаны кровью сердца, как песни о любви. Если бы вы подарили мне хоть частичку своего таланта!

Когда Далипа своим волшебным голосом пел эти песни, Балванту Сингху казалось, что он переносится из своей серой жизни в другой, цветущий мир. Но то, что он слышал и видел сегодня, — море цветов и людей, восторг, нетерпение, с которым каждый ждал дорогих гостей, — все это заставило Балванта Сингха почувствовать, что действительность во сто крат прекраснее его песен, как бы чудесно ни пел их Далипа.

Бесчисленные алые и трехцветные флаги трепетали на ветру, порою сливаясь в братском объятии.

С какой верой старая женщина произнесла:

— Мы сегодня увидим посланцев мира!

С каким чувством односельчанин Балванта Сингха, Деван Чанд, говорил на собрании:

— Хрущев и Булганин предложили поделиться с нами всем, что имеет их великая страна, — знаниями, достижениями науки, опытом строительства новой жизни, машинами, даже достижениями в области атомной энергии. Советские

люди готовы идти с нами рука об руку!

Заканчивая свою речь, Чанд сказал:

— Все вы знаете песню: «Когда любимая попросила один цветок, я отдал ей весь свой сад...» Так же и советские друзья: они предлагают нам все, что имеют, не ожидая нашей просьбы.

Балванту Сингху ясно представлялся этот сад. Сад любви и дружбы цвел здесь — прямо перед его глазами. И он вспомнил свой ответ поэту, который попросил его поделиться с ним своим талантом. «У меня нет особого таланта, — сказал тогда Балвант Сингх, — все, чем я обладаю, — это дар советского народа, это след волшебного соприкосновения с советскими людьми. Их любовь сделала меня поэтом. Вы говорите, что мои песни полны страсти, как песни о любви. Но ведь мои песни и есть песни о любви, о моей любви к советскому народу, к моему народу, к народам всего мира».

Взор Балванта Сингха упал на празднично разукрашенную арку, воздвигнутую в честь советских гостей. На красном полотнище золотыми буквами были выведены слова на незнакомом ему языке. «Неужели это русские буквы?» — подумал Балвант.

Да! На полотнище в лучах жаркого солнца Индии сияли русские буквы. Будто лицо друга, которого он не видел двадцать пять лет, явилось перед его глазами. Балвант стал по слогам разбирать слова:

— До-бро по-жа-ло-вать!..

«Добро пожаловать!» Эти слова он услышал впервые четверть века назад. Тогда Балванту Сингху было тридцать лет. «Добро пожаловать!...» И вот словно силами неведомых чар Балвант Сингх перенесся в прошлое.

...Много довелось пережить Балванту Сингху прежде, чем в его устах прозвучала фраза «Добро пожаловать!» Он бежал из крепости, в которую британские колонизаторы заключали своих

¹ Баба-джи — уважаемый.

Фото А. Гараина.

самых опасных политических врагов. В него стреляли, но он уцелел. Сколько гор пришлось ему преодолеть, сколько рек переплыть!.. Балвант Сингх скрывался от следователей то в одежде священнослужителя сикхов, то в рубище дровосека. Порой его укрывали друзья, порой злые люди выдавали врагу. Наконец Балванту удалось покинуть пределы той огромной тюрьмы, в которую колонизаторы превратили его страну. Изнывая от голода и жажды, он наконец добрался до Афганистана. Деревушка патанов¹, куда попал Балвант Сингх, была расположена на берегу Аму-Дарьи. По ту сторону реки началась советская земля.

Измученный долгими скитания-

¹ Патаны — племя, живущее в Афганистане.

ми, Балвант Сингх лишился чувств. Жители деревушки подобрали его. Очнувшись, он смог лишь произнести: «Независимость... Свобода...» — и провел рукой по шее, пытаясь жестом объяснить, что британские хозяева хотели отрубить ему голову.

Патаны поняли, что лежавший перед ними человек — индийский патриот, приговоренный к смерти и бежавший из тюрьмы, чтобы жить и снова бороться за свободу. Они протянули ему руку дружбы. Один из патанов сказал: «Свобода!» — и показал в сторону огня, мерцавших на той стороне реки.

Ночью, напутствуемый дружескими пожеланиями, Балвант Сингх пустился вплавь через ледяные воды Аму-Дарьи. Он не помнил, как очутился на советской земле. Сингх пришел в себя только в больнице. И первые слова, которые дошли до его сознания, были «Добро пожаловать!» Их произнесла фея — мечта его детства. Она стояла у изголовья. Ему показалось, что горячие лучи родного индийского солнца согревают его замерзшее сердце.

Вскоре Балвант Сингх узнал, что это была не фея, а простая советская девушка, которая хотела облегчить его страдания. Звали девушку Соня. В ее голубых глазах светилась любовь всего советского народа к тем, кто борется за свою свободу. В ее взгляде было столько теплоты, что Балвант Сингх, не зная русского языка, понял обращенные к нему слова приветствия.

Пять лет прожил Балвант Сингх на советской земле, и почти все это время Соня находилась рядом с ним. По возрасту она была немного младше Балванта, но когда Соня учила его русскому языку, он чувствовал себя ребенком. Соня радовалась каждому новому слову, выученному им, она никогда не уставала рассказывать своим товарищам о его успехах. Первая фраза, которую Балвант Сингх произнес по-русски, была: «Я ни холодно...» Это означало: «Мне не холодно в вашей стране, потому что я люблю ее, люблю советский народ».

Все поражало Балванта Сингха на советской земле, все для него было ново, чудесно. Ему подчас представлялось, что он перенесся в будущее человечества. Если же что-нибудь оставалось для него непонятным, на помощь всегда приходила Соня — источник света, его друг и друг его народа.

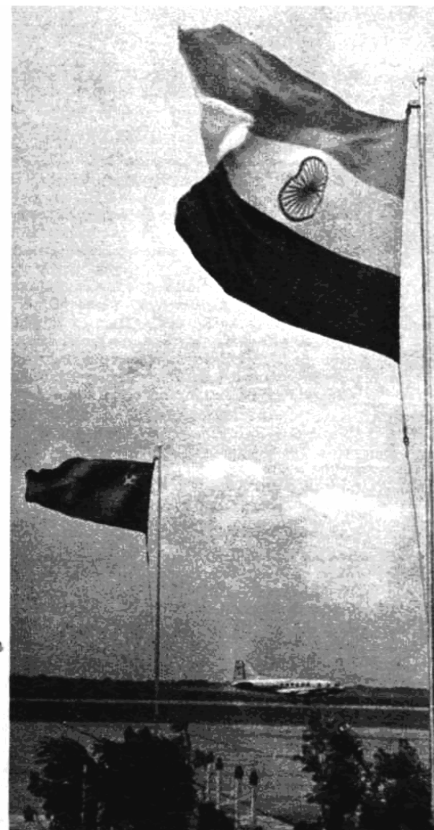
Сначала Балвант думал, что Соня — исключение. Но вскоре убедился, что в этом новом для него мире у большинства людей такие же, как у нее, чистые сердца. И все они — его друзья, друзья угнетенных людей на земле...

— Хинди, руси — бхай, бхай!² — нестройным хором закричали школьники Нангала.

Высоко поднятые флаги заколыхались. Далипа своим чудесным голосом повторил эти слова, толпа подхватила их, и они поплыли в воздухе. Специальный поезд с советскими гостями прибыл на станцию. Белые голуби, как немеркнущий символ мира, взлетели в небо. Лозунги «Да здравствует индийско-советская дружба!» поднялись ввысь. Толпы людей приветствовали желанных гостей.

Балвант Сингх пробрался в первый ряд. В его сознании картины прошлого и настоящего смешались, как цвета радуги. Он снова увидел перед собою голубые глаза Сони. Когда Балвант Сингх покидал страну свободы, чтобы вернуться в Индию, Соня на прощание обняла и поцеловала его. Кругом до самого горизонта простиралась тогда снежная равнина — сосны стояли, опустив под тяжестью снега мохнатые ветви.

² Индийцы и русские — братья!

В памятный день приезда дорогих гостей аэродром в Мадрасе был украшен советскими и индийскими государственными флагами. Они гордо развевались на фоне голубого неба как символ нерушимой, братской дружбы двух великих народов.

Что могло быть чище и светлее, чем эта белизна снега, чем этот поцелуй! Соня сказала: «До свидания, до следующей встречи! Мы обязательно встретимся, дорогой друг». Это был последний поцелуй, который подарила Балванту Сингху жизнь, и аромат его навсегда сохранился в душе...

...Толпа заколыхалась, расступилась, двинулась чуть-чуть вперед. Открытая машина, украшенная цветами, приближалась по дороге. Разноцветные флаги развевались на ветру.

— Это Булганин, это Хрущев! — раздавалось вокруг.

Дождь цветов посыпался на гостей. Слепой Далипа тоже бросил свой букет. Он так нежно держал его в руках, жадно ожидая этой минуты! Далипа выпрямился, широко раскрыл слепые глаза, и песня полилась из его уст:

Наконец я увидел тебя,
Дай мне наполнить душу твоим благоуханием...

— Добро пожаловать! — изо всех сил кричал Балвант Сингх. «Соня была права, — подумал он, когда машины с гостями скрылись за поворотом. — Мы обязательно встретимся. И вот сегодня мы встретились...»

Балвант Сингх вновь почувствовал тот аромат, то благоухание, которое жило в его душе и было неразрывно связано с образом Сони. И сейчас он всем своим существом ощущал, что Соня для него была не просто девушкой — она олицетворяла собой великий дружественный народ, цветение советской жизни.

Перевела С. КРУГЕРСКАЯ.

Население Кашмира восторженно приветствовало посланцев дружбы и доброй воли.

Ефим РУЖАНСКИЙ

Спуск в шахту

Как на торжественную вахту,
Впервые юноша спускался в шахту.
Качнулась клеть,
раздался ляг металла —
Вот резкий спуск,
и сердце задрожало.
Смелей, дружище!
Должен ты суметь
Паденья
первый страх преодолеть,
Чтоб славную шахтерскою работой
Подняться до орлиного полета!
г. Свердловск.

М. СКОРОХОВ

Путь к звездам

Путь к звездам разум издавна искал.
По книгам с детства мы знакомы с Марсом,
И кто из нас в мечтах не пролетал
По межпланетным безвоздушным
трассам?

Нам мирозданье тайны раскрывало —
Мы видели Юпитер многолуный,
На Марсе пили воду из канала
И любовались кольцами Сатурна.
Куски породы собирал в ранцы,
Мы лунных гор исследовали склоны,
Знаком нам жаркий вихрь протуберанца,
Сиянье чистой солнечной короны.
Но скоро, в небо взрывам стуча,
Пошлем мы высь — лиха беда начало —
Ракеты из крепчайшего металла,
Летящие со скоростью луча.
Они пройдут под Триумфальной аркой
Ворот Вселенной — Млечного Пути.
И будут звезды небывало ярко
На небосводе в эту ночь цвести...
г. Архангельск.

Николай КЛИМЕНКО

Украине

Богатые степи без края
И села в садах над Днепром...
Моя Украина родная,
Как песня, ты в сердце моем.
С Москвой мы на стройках великих,
С Москвой мы в суровом бою...
«З Москвою мы будемо навики!» —
Я слышу присягу твою.

Звездой кремлевской согрета,
Растешь не по дням — по часам...
Тебе, если стану поэтом,
Я лучшие песни отдам!

г. Запорожье.

Г. КАМЕННАЯ

Первая песня

Девушка выходит на эстраду
И в волнении комкает платок.
Ей на лоб, как будто так и надо,
Опустился русский завиток.
От смущенья девушка краснеет:
Первый раз на сцене. Первый раз!
Говорят из зала ей:
— Смелей!
Много дружеских и теплых глаз.
И от этого ль хорошего вниманья,
Только вдруг свободно и легко
Через окна, за пределы зданья,
Расплеснулась песня широко,
На сады, на рощу за покосом,
Где, забыв мелодии свои,
Приумолади вдруг звонкоголосые,
Слушая ту песню, соловьи.
г. Днепропетровск.

Сюрприз

Г. КОЛЕСНИКОВ

Рассказ

События, которые раскроют суть этой правдивой и печальной истории, произошли в нашей бухгалтерии. И я, признаться, с некоторой опаской взялся писать рассказ, в котором основным действующим лицом будет главный бухгалтер. Уж очень далека эта область человеческой деятельности от поэзии! В самом деле, что может быть прозаичнее бухгалтерии? Впрочем, Степан Захарыч Кучерда, наш главный бухгалтер, — человек не только почтенный, но и безусловно интересный. Интересны, каждая по-своему, и его сотрудницы: две Люси и Васена Антоновна. Из двух Люсь одна была чересчур полная, простодушно-грубоватая и фантастически-легкомысленная. Как-то в лютую декабрьскую стужу она пришла в таком зеленом платье и с такими оранжевыми цветами, что Степан Захарыч даже крикнул от неожиданности: «Эк тебя угораздило...»

Но, кажется, только один Степан Захарыч и заметил необычайность люсиного наряда. Две другие сотрудницы были истыми дочерьми Евы: они обладали и достаточным тактом и достаточной завистью, чтобы не придавать этому факту никакого значения.

Вторая Люся была излишне сухожаровой и очень страдала от этого. Но так как страдания только усиливали ее худобу, то она в конце концов сделалась меланхолически-желчной. Будучи по должности кассиром, она сидела за деревянным барьером, поджав тонкие губы; с которых всегда готова была сорваться какая-нибудь колкость.

Заместитель Степана Захарыча не будет играть в нашем повествовании сколько-нибудь существенной роли, поэтому о Васене Антоновне Задорожной мы упомянем только для полноты картины. Она была уже в том возрасте, который позволял тонкой Люсе говорить о ней, как о старой деде.

Во времена немецкого нашествия Васена пережила какую-то тяжкую драму, рано поседела и не вышла замуж. Возможно, из-за пережитой драмы или по каким-нибудь другим житейским обстоятельствам характер Васены сложился противоречиво-тяжелый. Внешне она относилась к окружающим со спокойным безразличием, но в глубине души до боли завидовала людям, сумевшим в отличие от нее сколотить себе пусть неумудрящее, но свое человеческое счастье... В работе Васена была крутой и не в меру серьезной, и когда Степан Захарыч уходил в отпуск, Люсям, попедавшим под пря-

мое начало Васены, частенько доставалось.

Что касается самого Степана Захарыча, то он, человек пожилой, тучный и непреклонно суровый, имел две слабости. Первая — это дочь Тамара, которую он до самозабвения любил и которой откровенно гордился. Она оканчивала педагогический институт в областном городе и готовилась стать учительницей. Второй слабостью Степана Захарыча, как это ни странно, была подчеркиваемая им демонстрация своей поразительной работоспособности и усидчивости.

Умение работать часами, не отрывая от дела ни на минуту, породило в характере Степана Захарыча тщеславие: он разделял печальное заблуждение многих людей, которые были глубоко убеждены так же, как и он, что лучше его, больше его и честнее его никто другой на его месте работать не сможет, и место свое он намерен был оставить только со смертью.

Обычно, когда наступало время составления баланса, тонкая Люся говорила:

— Ну, девочки, запрягайтесь. Теперь Степа даст нам жизни!

И Степан Захарыч действительно «давал жизни». За короткое время он успевал наконтролировать такую гору документов, что обе Люси, работая в четыре руки, не успевали разносить их по картотекам.

Степан Захарыч сам обучал своих сотрудниц хитроумному бухгалтерскому ремеслу. Обе Люси пришли к нему после школьной скамьи, совсем девочками. Как природный бухгалтер, он настойчиво добивался в работе чистоты и единообразия. Достигнув в этом деле немалых успехов, он самодовольно говорил:

— Сколько я трудов положил, пока научил мсих стрекоз чистобразности!

«Чистобразность» была служебным коньком Степана Захарыча. К стати говоря, не кто иной, а именно наш главный бухгалтер является изобретателем этого выразительного неологизма. Однако, очевидно, в силу отдаленности нашей местности, он не вошел в сокровищницу русского языка, и я буду доволен, если мое повествование поможет восполнить этот пробел и даст изобретению Степана Захарыча права гражданства.

Помощницы Степана Захарыча работали в дни составления баланса добросовестно и быстро. Но когда спадал штормовая волна заключительных контровок и все цифры вставали в

Рисунки Н. Лисогорского.

стальные рамки балансовых статей, когда бушующее море бухгалтерского учета переходило в спокойную зыбь текущих операций, тогда полная Люся при очевидном попустительстве тонкой и доброжелательном нейтралитете Васены самым бесосновным образом эксплуатировала перья и главную слабость Степана Захарыча. Тонкой глубокой заинтересованности, как бы невзначай, она вдруг спрашивала:

— Ну как, Степан Захарыч, что Томочка пишет?

Тонкая Люся из-за своей перегородки сердито одергивала подругу:

— Упять ты в рабочее время неслужебные вопросы задаешь Степану Захарычу!

Но Степан Захарыч только и ждал этого неслужебного вопроса. Дело в том, что вчера он получил от дочери фотографическую карточку, и сегодня ему не терпелось показать ее своим помощникам, а заодно еще раз посмотреть и самому. Коварный люсин вопрос попал в самую точку. Лицо его расплылось в довольной улыбке.

— Карточку вчера прислала.

Полная Люся всплеснула руками:

— И вы молчите! Немедленно показывайте. Васена еле заметно улыбалась. Тонкая Люся убрала в стол кассовую книгу, думая при этом: «Ключуло!»

Ну конечно же, Томочка Кучерда была красавица! У нее очень тонкий носик, очень яркие, вероятно, накрашенные губы, очень светлые, вероятно, обесцвеченные волосы. По фотокарточке видно было, что девушка изо всех сил старалась быть серьезной, но это ей совершенно не удавалось, или что-то рассмешило ее в момент съемки, или она была просто смешливой, трудно судить по фото, но каждая жилка на ее хорошеньком лице трепетала в смешинках.

Степан Захарыч ревниво следил за тем, какое впечатление произведет фотография дочки на его сотрудниц.

Приговор бухгалтерии оказался единодушным:

— Хорошенькая!

— И веселая, — оценила по-своему Васена.

Впрочем, если говорить откровенно, сотрудниц Степана Захарыча интересовала не столько его дочка, сколько ее прическа, фасон ее платья и материал, из которого оно сшито. Все решили, что эта ткань веселенькой расцветки, несомненно, штапель. Полная Люся прикинула этот штапель к своей фигуре и пришла к выводу, что на ней он выглядел бы гораздо лучше.

Степан Захарыч еще раз и все с тем же откровенным удовольствием посмотрел на портрет дочери и бережно положил его между листами какой-то бухгалтерской книги.

Чувство гордости за свою дочь прямо-таки распирало Степана Захарыча, а в такие минуты он всегда заводил знакомый девушкам философский разговор:

— Вот она, жизнь-то наша! Отец на медные деньги учился. До сих пор корову через ять пишу... Да! На медные деньги!.. А дочь будет людей литературе русской обучать. Вот ведь как обернулось дело...

Неизвестно, как долго бы говорить Степан Захарыч на любимую тему, если бы не посылались сигналы проверки времени. Все быстро собралось и отправились на обед с единодушным мнением, что дочка Степана Захарыча премильничка.

***

Спустя несколько балансов, в спокойную минуту бухгалтерского штиля, полная Люся опять пустила в ход свое испытанное коварство:

— Ну как, Степан Захарыч, Томочка пишет? — Пишет, — заулыбался Степан Захарыч. — Домой жду. Кончила. Диплом получила. Теперь русской литературе людей учить будет. Учительница!

Степан Захарыч искренне пожалел и полную Люсию, и Васену, и Люсию-тонкую: ведь и они могли стать учительницами, как и его Тамара, если бы захотели.

— Учиться надо было, девушки! — назидательно сказал он. — У нас в институт никому дорога не заказана.

— Ума на институт не хватило, — ответила

тонкая Люся. — Спасибо, хоть к кассе-то пристроилась.

Степан Захарыч мысленно сравнил свою Тамару с тонкой Люсей. Превосходство дочери было подавляющим: высшее образование, диплом, учительница!

— Это верно, конечно, высшее образование без ума не получишь.

— Ну, положим, у меня ума на два института хватило бы, — не выдержала полная Люся. — Но... Константин помешал. А потом дитя родилось, какой уж там институт!

— А ты бы погодила дитя-то рожать, успе- ла бы.

Люся-полная шумно вздохнула, а тонкая Люся не преминула заметить:

— Именно так вздыхают паровозы, когда им грустно.

— А что толку-то, что ты такая худющая? — отпаривала удар полная Люся. — До сих пор замуж не вышла.

Это был удар по очень больному месту, и тонкая Люся оскорбленно замолчала.

Полная Люся вздохнула еще раз:

— Сердцу, Степан Захарыч, не закажешь... Да и выбора не было: или замуж, или учиться. Вот я и выбрала...

И вдруг, словно вспомнив что-то, Степан Захарыч спросил:

— Девушки, а что бы это такое было — сюрприз?

Выяснилось, что обе Люси не знали, что такое «сюрприз». Васена обычно в такие разговоры не вмешивалась, но тут взялась объяснить:

— Это, Степан Захарыч, нечаянная приятность: чего не ждете, то вам и будет.

Разъяснение несколько встревожило Степана Захарыча.

— Что же это такое может быть неожиданное? Все вроде бы ожидание.

— Не все, значит. Свалится, как снег на голову, чего и не ждешь — вот и сюрприз!

— Ну, ты скажешь тоже, как снег на голову!.. Сюрпризы какие-то выдумали!

Степан Захарыч еще что-то поворчал себе под нос, но постепенно втянулся в дело, и ход его мыслей принял нормально-бухгалтерское направление.

Вскоре после этого девушки заметили в характере Степана Захарыча странные перемены. Стал он несколько мрачноват, вроде Васены. Но самое главное, чего с ним никогда не бывало, подолгу сидел теперь без дела и смотрел куда-то влево, в окно, ничего не видящими глазами.

Бухгалтерия встревожилась. Только Васена с равнодушным безразличием щелкала на счетах; ее сухие, тонкие пальцы мелькали над костяшками в профессионально красивом ритме.

Состояние этой неопределенной тревоги не могло продолжаться бесконечно.

— Чего-то грустит наш Степа, — шепотом заметила тонкая Люся.

Но полной Люсе было уже невмоготу. Нарушая напряженное молчание, она спросила Степана Захарыча:

— Или дома чего случилось у вас?

Степан Захарыч вздрогнул, с какой-то жалкой торопливостью схватил ручку, растерянно посмотрел на свое испытанное перо, словно не понимая, зачем оно у него в руках, и положил на стол. Быстро справившись с волнением, охватившим все его существо, Степан Захарыч как можно спокойнее произнес:

— Тамара приехала.

Полная Люся закудала на всю бухгалтерию:

— Батюшки! Чего же вы нам-то не показываете свою учительницу?

Но Степан Захарыч уже окончательно взял себя в руки и заговорил тем сухим тоном, к которому все давно привыкли:

— А чего ее показывать? Она не балерина... Как у тебя рабочие и служащие? Опять ты с разносной отстала!

Девушки захрипели перьями и защелкали счетами — бухгалтерская машина привычно заработала.

После обеда неожиданно в нашу контору зашла Тамара. Вся бухгалтерия так и ахнула: коричневые пятна на лице Тамары, ее расплывшаяся фигура, широкое, специально сшитое платье не оставляли места для сомнений. Тонкая Люся ехидно заулыбалась:

— Вот вам и сюрприз!

Степан Захарыч покраснел и тяжело подвинулся со своего стула.

— Чего тебе? — сухо спросил он у дочери. Тамара спокойно подошла к отцу, положила ему на плечо руку и сказала:

— Я так просто. Чего ты волнуешься?

Степан Захарыч собрал дрожащими руками бумаги со стола и как-то боком, обойдя дочь, ушел в кабинет директора.

Тамара оказалась очень простой и общительной. Нисколько не смущаясь, она держалась со всеми естественно, по-дружески, как со старыми знакомыми.

— Здравствуйте, девочки! Я, кажется, и по-здороваться с вами не успела? О, Васена

Антонюна! Вы все хорошеете. Замуж не вышли!

Васена застенчиво улыбнулась:
— Какой там муж, Томочка, старость подходит!

— Ну, вам-то еще рано в старухи записываться!

Тамара отметила, что тонкая Люся успела за это время поправиться, на полной Люсе увидела модные обложки, которые очень скрадывали ее полноту... У каждой женщины Тамара заметила именно то, что нужно было заметить, и не увидела того, чего не полагалось видеть, хотя именно это, непохожее, бросалось в глаза резче всего. Она не увидела ни морщинок на восковом лице Васены, ни того, что полная Люся в свои 28 лет была уже почти такой же широкой, как стол, за которым работала...

Пока Степан Захарыч был в кабинете директора, женщины успели вволю наговориться. Тамара отлично владела собой и, если судить по любезной улыбке, с которой она рассказывала о своем споре с отцом, можно было подумать, что это и не спор даже, а так, забавная семейная шутка. В действительности же все то, что произошло, и для Тамары и для Степана Захарыча было настоящей и большой семейной драмой. Не беременность дочери волновала Степана Захарыча. В конце концов это — дело житейское и рано или поздно должно было произойти. Нет, как раз эта сторона дела встречала в душе Степана Захарыча полное одобрение. Повидимому, это превосходно понимала Тамара и обижалась на отца еще больше, потому что ни в чем другом не считала себя перед ним виноватой. А старый Кучерда болезненно хотел и не мог понять, как может его дочь, его Тамара, с таким легким сердцем относиться к тому, что она делала...

— Хотя вы мне, девочки, посочувствуйте, — говорила Тамара, капризно кривя губы. — Со всем меня отец съел. Не нравится ему, что я замуж без спроса вышла.

Тамара явно лукавила. Степану Захарычу, конечно, хотелось, чтобы его дочь не без спроса замуж вышла, но не в этом была суть раздора.

— А вы не слушайте его, он свое прожил, — сказала тонкая Люся. — Характерец вашего папаша мы лучше вас знаем!

— Понимаете, девочки, мой Валентин еще учится. Он архитектурный заканчивает. Прекрасная специальность: город, приличная зарплата... Я как подумала, что меня ждет после института: сошлиот куда-нибудь на стойбище к нанайцам сопливых ребятишек обучать!.. Грязища, холодища. Брр! Ни кино, ни театр!.. Я уже в другую жизнь втянулась... Ну как только этого отец не понимает? Ведь у меня и выбора-то не было: или замуж выходить, или, согласно папенькиному идеалу, в деревню ехать... Чудак, и больше ничего!

Что можно было возразить Тамаре? Слова ее были полны того пошлого здравого смысла, которым люди, делающие нечистоплотное дело, оболванивают свою душу и совесть. За этим пошлым здравым смыслом не видно было ни большой любви, ни сильного чувства, разве только, как сказала тонкая Люся, одно соображение: хорошие мужья на дороге не валяются! Но, честное слово, стоило ли только ради этого выходить замуж?

Тамара нарочно сгущала краски. Может быть, и не на стойбище к нанайцам послали бы ее после учебы в институте... Хотя и на-

нейских ребятишек будут обучать ее подружки — так почему бы среди них не оказаться и ей?.. Нет, она решительно, настойчиво и ловко ускользала от дела, которое старый Кучерда считал смыслом ее жизни. Именно этого не мог и не хотел простить он дочери. Непримиримость старого Кучерды стала особенно заметной, когда он выходил из кабинета директора, сумрачный, суровый.

— Вот, девочки, полюбуйтесь на него. Дочь замуж вышла, внука ему родить собирается, а он все недоволен. Ну, чего ты такой мрачный, папа!

— Дома, дома об этом говорить будем. Ты зачем пришла, спрашиваю!

Тамара взяла отца под руку и с той же, правда, теперь уже несколько деревянной улыбкой увела из конторы.

***

Вскоре мы узнали, что Тамара благополучно родила сына, уехала к мужу, жила в городе, нигде не работала и считала себя счастливой.

Степан Захарыч очень любил внука, названного в честь деда Степаном, но с дочерью так и не помирился. Старик все чаще стал задумываться, и думы его были все об одном и том же: «Неправильно! Неправильно это!.. Считал, человека из дочери сделаю — не сумел. Чужому дяде жену вырастил. Нанайцев ей обучать зорно. А нанайцы, голубушка, тоже хорошие люди. Да и сама не больно барыня. Отец-то на медные деньги учился. Может быть, и его учителя вот так же брезговали учить!..»

В каких-то частностях старик, может быть, и неправ был в своем категорическом осуждении дочери. Но и не на стороне Тамары была правда.

Справедливости ради нужно, однако, сказать, что семейная драма Степана Захарыча Кучерды почти и не отразилась на состоянии нашего бухгалтерского учета. Жизнь счетного коллектива скоро вошла в правильную колею. Полная Люся каким-то чутьем нащупала новую слабость Степана Захарыча и в минуты бухгалтерского штиля снова спрашивала не без коварства:

— Ну как, Степан Захарыч, внучек ваш поживает?

— Растет, крепкий!

Степан Захарыч широко улыбался и доставал фотографию здорового мальчонки, который лежал на большой подушке, поднимая толстую ножку с забавно загнутым пальцем, и чему-то улыбался беззубым ртом.

Все находили, что мальчонка — вылитый дед. Васена сдержанно улыбалась, тонкая Люся немедленно убирала в стол кассовую книгу, как прежде, и начиналась длинная, непринужденная беседа. Но сам старый Кучерда теперь редко принимал участие в разговоре. Глядя на внука, он вспоминал дочь, и грустные думы начинали роиться в его голове. Он прятал карточку в стол с таким чувством, словно запечатленный на фотографии здоровый, смеющийся парнишка виноват в том, что его мать не оправдала надежд Степана Захарыча и честь свою и славу учительницы променяла на какое-то пустое и бездумное счастье. Да и счастье ли еще?.. Старый Кучерда сомневался в этом с большой грустью.

г. Сальск.

Ю. РЯБИНИН

СКВОРЦЫ

Сегодня у тебя совсем неожиданно
Улыбкою зарделося лицо,
Когда на нас обрушился гортанный,
Картавый щebet взбалмошных скворцов.

Откуда он в бесптичьем здешнем крае,
Где только камень, камень без конца,
Где медленно на солнце подгорают
Бескровные кривые деревца?
Откуда он? В нем отзвук спешных сборов,
Дорожных тягот, жалоб и забот,
Глухих тревог и вздорных перекоров...

Постой!
Ведь это птичий перелет.
Постой,
Ведь это,
Против воли бросив
Тепло своих насиженных ветвей,
Летят скворцы
В заоблачную просинь,
Летят, быть может, с Брящины твоей.
Пускай летят, пути не загородишь,
Пускай летят за кромку желтых гор.

...А ты опять в который раз заводишь
Постылый, надоевший разговор,
А ты опять,
С такой привычной грустью,
Что так и жди притворных, хитрых слез,
Скорбишь о том, что в это захолустье
Какой-то черт по злобе нас занес,
Что здесь скворцы,
И те — куда им деться —
Всего лишь на ночь сели отдохнуть,
А завтра, не успеешь оглядеться,
Чуть рассветет, умчатся дальше в путь.

Ты, что ни слово, резче и смелее,
Себя надеждой тешишь не впервой,
Что я возьму и тоже заболел
Твоею перелетною тоской.
Возьму и встану рядышком с тобой,
Чтобы вздохнуть летящим птицам вслед.

...А мне сегодня вспомнилось другое,
Как будто мне всего двенадцать лет.
В двенадцать лет живи, как мать
прикажет,

А так хотелось вырваться туда,
Где нет пока простых барakov даже,
Где мужество возводит города.
И пусть там зной, пускай лютует стужа,
Они ль страшны для счастья моего?

Так неужели я сегодня хуже
Тогдашнего себя же самого?
Неправда. Нет.
Ты слышишь? Я не птица.
Меня на то и вынуждала мать,
Чтоб мог я там, где надо, поселиться,
Чтоб мог я там, где надо, звать.
Не птица я — и беды и печали
Ко мне приходят тоже в свой черед.
Ты думаешь, беззвездными ночами
Меня тоска за сердце не берет
По отчужденному дому,
По шелесту застенчивых берез?

Но сильные тоскуют по-другому:
Без жалоб, без упреков и без слез.
И пусть до смерти будет сердце биться
В порывах этой яростной тоски,
Настолько сильной, что за нею птицы
Придут, я знаю, в знойные пески.
Да, будет так: достанет а нас терпенье,
И сил, и сердца, чтобы не во сне,
А наяву здесь зацвели деревья
И птицы гнезда вили по весне.
За птичьим счастьем душными ночами
Летят скворцы за кромку желтых гор,
А наше счастье здесь, не за горами,
Оно при нас, надежно, с давних пор.

г. Красноводск.

